

НИКОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ,
что в ВУНЬЕ на ДУХ
(ныне село Басютино)

www.NIKOLAnaMhu.ru

НИКОЛЬСКИЙ ЛИСТОК

Не в силе Бог, но в правде

Русская Православная Церковь. Московский Патриархат. Московская Епархия

Местная православная религиозная организация прихода
Никольской церкви с. Басютино
Павлово-Посадского района Московской области

№ 1(96)

февраль 2010 г.

Выходит с февраля 1996 г.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Триодь Постная — богослужбная книга Великого поста

Православная Церковь вступила в Великий пост: в течение семи недель все мы вместе будем проходить «постное послушание». Мы знаем, что в конце предстоящего нам постного странствования нас ждет радость Воскресения Христова. Накануне поста - в Прощеное воскресенье, - когда мы все, каждый у каждого испрашиваем прощения, прося у Господа сил действительно простить другого человека, как Он простил нас, - в это самое время, по сложившейся богослужбной традиции, хор поет пасхальные песнопения. Именно так, удивительно мудро, умеет сочетать Церковь покаянную скорбь о грехах и поистине неземную радость о спасающем нас Боге: только что священнослужители сменили светлые облачения на темные (постовые), в которых будут совершаться службы вплоть до Великой Субботы; только что все колена преклоненно молились словами великопостной молитвы прп. Ефрема Сирина, и тут же нам дается вкусить радость взаимного прощения и, как бы «украдкой», услышать пасхальное ликование Церкви Небесной. Мы еще в самом начале поста, нам еще только предстоит сорокадневный путь по пустыне Поста, но в конце этого пути уже сияет свет Пасхи, свет Царства Христова. Но не только ради подготовки к Пасхе - самому важному событию церковного года - Церковь призывает нас поститься. Нужно ли говорить, что Пасха - это гораздо больше, чем просто ежегодное воспоминание и празднование прошедшего события. Воскресение Христово, Его победа над смертью - это поворотное событие в истории вселенной и каждого из нас. Пасха - это «иного жития вечного начало». И всякий из нас в водах Крещальной купели становится соучастником Смерти и Воскресения Христовых, «сыном и наследником Его Царствия». Но, увыв, и после Крещения мы живем так, как будто Христос никогда не приходил и не воскрес. И хотя «мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (Иоан. 5:19), тем не менее, принадлежим этому миру, его суете и заботам, его лицемерию и лжи. Своими грехами лишаем себя Царства и подобно персонажу евангельской притчи о блудном сыне отходим «во страну далече» (Лк. 15:13). И вот, когда, кажется, совсем безнадежна становится наша

жизнь, когда мы своими грехами, кажется, совсем уже заглушили в душе Свет Христов, тогда Церковь предлагает нам совершить усилие над собой и отправиться в «духовное путешествие» к самым основам нашей веры. Именно таким «паломничеством» к Пасхе и является наступивший Великий пост.

Все церковное богослужение построено вокруг Пасхи: поэтому литургический годовой круг, последовательность праздников и постов становится путешествием, паломничеством к Пасхе, к концу, который в то же время есть и начало, концу всего старого, началу новой жизни, постоянный переход (пасха) из мира в Царство, явившееся во Христе.

Однако, старую жизнь, жизнь греха, мелочность не так-то легко побороть и изменить. Евангелие ожидает и требует от человека усилия, к которому в настоящем своем состоянии он совершенно не способен. Нас вызывают на бой с невидимым, зовут к цели, к новому образу жизни, которая выше наших возможностей. Даже Апостолы, когда слушали учение своего Наставника, в недоумении спросили Его: «Как это возможно?» На самом деле, нелегко отказаться от мелкого идеала жизни, состоящего из ежедневных забот, изысканий средств для обеспеченного существования, удовольствий, всего, что так далеко от цели - совершенства: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Мф. 5:48). Мир усиленно внушает нам: будьте счастливы, живите беззаботно, идите широким путем. Но Христос в Евангелии говорит нам: идите узким путем, путем борьбы и страдания, потому что это единственный путь к настоящему счастью. Без помощи Церкви как можем мы решиться на этот страшный

выбор, как можем мы раскаяться и вернуться к светлоте и радостному обещанию, которое каждый год Церковь дает нам в день Пасхи? И вот для чего нужен Пост. Это - рука помощи, протянутая нам Церковью, «школа покаяния», которая одна может пригласить нас к тому, чтобы встретить Пасху не только как разрешение есть, пить и отдыхать, но как действительный конец старого (ветхого) в нас, как вступление в новую жизнь.

Мы, наконец, должны понять и осознать, что все литургические традиции Церкви, весь цикл ее богослужений существует, прежде всего, для того, чтобы помочь нам вновь увидеть и вкусить эту Новую Жизнь, от которой мы легко отходим, изменяя ей, и, покаявшись, вернуться к ней. Наше же пренебрежение богослужением, особенно во дни поста, лишает нас этого дара.

Великий Пост имеет свою особую богослужбную книгу: *Триодь постную*. Наверное, необходимо объяснить само слово «триодь»: оно греческое, состоит

из двух частей, первая из которых понятна: «три». А вторая часть тоже понятна, если вспомнить, что есть торжественные стихи, называемые «ода». Триодь в переводе на церковнославянский означает «трипеснец». Она называется так потому, что великопостное богослужение есть особые, неполные каноны, состоящие из трех песней (обычно канон состоит из 8-ми песней). По названию этого характерного песнопения называется вся богослужбная книга. Триодей существует две: Триодь Постная и Триодь Цветная. Триодь Постная содержит изменяемые молитвословия служб великопостного цикла. Он начинается с трех подготовительных седмиц к Великому посту, в течение которых Триодь Постная все больше и больше входит в богослужение. Затем наступает Четырнадцатница в полном смысле этого слова - это 6 седмиц Поста и, наконец, совершенно особый период: Лазарева Суббота, Вербное Воскресение и Страстная седмица. Полунощница перед пасхальной заутреней - это последняя служба, которая служит по Триоди Постной.

Постная Триодь - неизменная, забытая книга! Если бы мы только знали, что в ней мы можем найти возрождение, приобрести вновь дух не только Великого Поста, но и всего Православия, - «Пасхального» образа жизни, смерти и вечности. От нашего незнания Триоди Постной, и шире - нашего весьма поверхностного и прохладного отношения к богослужению - происходят многие наши заблуждения относительно поста. И на самом первом месте, здесь стоит наше, ставшее уже «нормой» фарисейское отношение к посту. Мы воспринимаем пост, как некое «неудобство», на которое мы по своей доброй воле соглашаемся, «страдаем», на которое автоматически зачетается нам как наша «заслуга» и доведет нас до «оправдания» Богом. Сколько людей соглашаются с той мыслью, что пост - это время, когда что-то само по себе приятное и хорошее запрещено, как будто Господь находит удовольствие в том, чтобы нас мучить. Однако, для творцов великопостных стихир пост означает как раз совершенно противоположное; это возвращение к «нормальной» жизни, к тому «пощению», которое нарушили Адам и Ева, допустив таким образом в мир страдание и смерть. Поэтому Великий Пост приветствуется как духовная весна, как время радости и света: «Возсия весна постная, цвет покаяния...» Только те, кто «радуются о Господе», для которых Христос и Его Царство высшее желание и радость их жизни, способны радостно принять борьбу против зла и греха и участвовать в окончательной победе над ними. Вот почему только к мученикам, среди разных видов святости, обращаемся мы за каждой великопостной службой, только они восхваляются в особые, посвященных им стихирах. Потому что именно мученики предпочли Христа всему другому на свете, включая самую жизнь; они так радовались во Христе, что могли вместе со св. Игнатием Антиохийским сказать, умирая: «Теперь мы начинаем жить»... Они - свидетели Царствия Божия, потому что только тот, кто видел и вкусил его сладость, способен на такое высшее самозабвение. Они наши спутники, наши вдохновители в течение Великого Поста, который для нас именно есть время борьбы за восстановление божественного, небесного и вечного начала в наших душах.

В течение сорока дней Крест Господень, Его Воскресение и сияющая радость Пасхи - главная тема всех великопостных песнопений, постоянное напоминание, что как бы труден и узок ни был путь, он в конце ведет к трапезе Христа в Его Царстве.

Ожидание и предвкушение Пасхальной радости проходит через весь Пост и придает настоящий смысл постному подвигу. «Желая причаститься Божественной Пасхи... Продолжим пост, дающий нам победу над дьяволом... И приобщимся святейшей Христовой Пасхе».

Священник Иоанн Шумилов

Прекословлю Тенью

На свете счастья нет,
Но есть покой и воля...
А.С. Пушкин

Нам на Земле себя являет Небо
Творца не знает тот, кто счастлив не был.

Нет, не забыть тернового венца,
Но белый свет, - прекрасный и тяжелый,
Ступенька первая высокого крыльца
В Небесный Храм. Божественною школой
Одарены. Не отвернем лица
От счастья здесь по милости Творца.
Нет, не забыть тернового венца.

Какое счастье - этот белый свет
Земных, нам во спасенье, испытаний.
О череда отмеренных здесь лет
Провидческих свиданий и скитаний:
Петлистый путь... Бессонный арболет...
Но - благовеста зов среди теней!
Какое счастье - этот белый свет!

Нам на Земле себя являет Небо
Творца не знает тот, кто счастлив не был.

Луиза (Елизавета) Савинская - прихожанка домового храма блж. Матроны при доме ветеранов сцены им. А.А. Яблочкиной

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

В Первое воскресенье Великого Поста Православная Церковь неизменно совершает празднование Торжества Православия. Именно в этот день в 843-м году в Константинополе - тогда столице великой христианской Империи - с особой торжественностью было окончательно восстановлено иконопочитание. Более столетия ересь иконоборчества, поддерживаемая государственной властью, терзала Церковь, внося разделения и испровергая самые основы православной веры. Гонения на иконы явили Церкви стойких защитников Православия: негнбимых иерархов, подлинных богословов и целый сонм мучеников - иерархов, монашествующих и мирян. Защитой иконопочитания, например, прославились прп. Иоанн Дамаскин (талантливый христианский поэт и богослов, церковный гимнограф (соста-

витель богослужбных текстов) и апологет (защитник) православия) и прп. Феодор Студит (несгибаемый борец с ересью, талантливый богослов, почитаемый наставник великого множества иноков). Несмотря на то, что православный догмат об иконопочитании был определен, а ересь иконоборчества осуждена в 787 году на VII Вселенском Соборе в Никее, потребовалось еще не одно десятилетие, чтобы православное иконопочитание действительно восторжествовало. Память об этой победе Православия вошла во все церковные календари и ежегодно воспоминается в первое воскресенье Великого Поста, когда после торжественной Литургии совершается особое «Молебное пение в Неделю Торжества Православия».

В молитвенных прошениях этого

богослужения мы благодарим Бога, не оставляющего нас Своей Милостью несмотря на все наши грехи; исповедуем свою верность благодатной православной вере; смиренно просим Господа, Своим Промыслом управляющего Церковью, могущего всякое наше несовершенство и слабость обратить к славе Своей, и впредь сохранить Святую Православную Церковь «от распрей, расколов и ересей»; исповедуем свое недостойство пред лицом преизобилующей в Церкви Благодати Божией - «всегда немощная врачующей и оскудевающая восполняющей»; и наконец, молитвенно поминаем пред Господом усопших православных христиан - православных иерархов, боголюбивых правителей, стойких мучеников и всех в православной вере скончавшихся и для победы Христова благовестия потрудившихся.

Слово, Божественный Логос, Божественный Смысл... - в этом же ряду находит свое значение удивительное слово Образ, по-гречески - *эйкон*, отсюда происходит русское слово «икона» или «лик». Христианская традиция воспринимает красоту как одно из доказательств бытия Божия. Русское слово «безобразный» - гораздо более емкая и категоричная форма слова «некрасивый», значит ни что иное, как «безобразный», то есть не имеющий в себе Образа Божия, не сущностный, не существующий, мертвый, потому что не имеет в себе Смысла Божьего - Глагола жизни.

История Святой Руси, помимо прочего, уникальна еще тем, что берет свои истоки свои с иконопочитания. По летописному преданию именно икона «Страшного суда», показанная святому Владимиру Крестителю греческим монахом, определила окончательный выбор Великого князя во времена «испытания веры»; тогда для пребывавших в идолопоклонстве праотцев наших икона стала частью проповеди о Воплотившемся Боге. России, не раз переживавшей «время зверя», вероятно, как ни какой другой стране, дорога икона, в самые тяжкие времена испытаний и в своих лучших образцах, явленная народу. Нельзя вспомнить ни одного из судьбоносных моментов нашей истории, которые бы не освещались присутствием иконы, как особой христианской или назидания. Первые века христианства на Руси - время первого осознания святости Божьего мира, радости творчества - проходят под сенью Софии - Премудрости Божьего устройства мира, когда молодая Русь, начиная с первопрестольного Киева, преподобных Печерской Лавры начинает приносить первые плоды святости - жизни в Духе Святом. Никогда не оставляла свой народ Покровом и заступничеством Пресвятая Богородица, первая из рода людского удостоенная славы небесной, и многочисленные иконы, храмы и целые монастыри, посвященные Успению Пречистой - Богородицы Пасхе - становятся образом спасения целого народа. За юностью следует пора испытаний; за нею грех, сомнение, разделение; и первой иконой на небосводе русской святости становится единый образ двух святых князей Бориса и Глеба - во имя братской любви и послушания заповедям Божиим, не пожелавших устроить временное земное благополучие с помощью меча. Каинским грехом братоубийства помечено время междоусобиц, и наказанием за грех отступления становятся темные века татарщины. Исцеление народной души, возвращение целостности и целостности соборной Руси проходит под сенью собирателя Русских земель преподобного Сергия; и духовным символом единства и любви становится Храм Живоначальной Троицы. Лицом России называет отец Павел Флоренский Троице-Сергиеву Лавру и Ликом ее «портретом портретов» Сергия Радонежского, в чьем сердце «ярким светом горела сама эта соборность - образ во Святей Троице сущего Бога» - образ иного бытия, иной правды посреди «ненавистой розни века сего». Здесь следует искать истоки духовного озарения преподобного Андрея Рублева, воплотившего в красках то, что наполняло его душу и молитву. Именно тогда в растерзанной, заслонившей Европу от басурманского разорения Руси, было явлено миру само Откровение Божие о Себе, вершина «богословия в красках», Образ Совершенной Любви - Пресвятая Троица.

Многочисленные списки Владимирской, Казанской, Донской, Иверской, Смоленской, Федоровской - это не только имена наиболее чтимых и любимых на русской земле образов Пресвятой Богородицы, но и напоминания о временах тяжелейших испытаний и славных побед русского народа, которые были бы невозможны без представительства Небесной Заступницы. Сколько их «Всемильностных», «Нечаянных Радостей», «Всех скорбящих Радостей», «Взысканий погибших», «Умиленных», «Умигчений злых сердец», «Неупиваемых Чаш» в русских домах. Невозможно представить ни одного русского дома без образов святителя Николая, Георгия Победоносца, целителя Пантелеимона, Веры Надежды Любви и Матери их Софии, Сергия Радонежского, Серафима Саровского, отца Иоанна Кронштадского, святых Царственных мучеников, Всех Святых в земле Российской Присягнувших... Нельзя преоценить великую утешительную роль маленьких домашних икон во времена

безбожья и лжи, когда спрятанные подальше от богочерческой власти, эти образы становились единственными окошками из мира мрака и мертвечины - к Свету и Истине.

Сейчас нам даже страшно себе представить, что саму идею иконы нужно было защищать кровью христианских мучеников, тем не менее, вселенская память Церкви хранит и это.

«Бога не видел никто никогда, Единородный Сын, Сущий в недре Отчем, Он явил (Иоанн 1.18)»

Церковное предание хранит память о том, как во времена Своей земной жизни Господь наш Иисус Христос, прикоснувшись к тканному полотну и запечатлев на нем Свой Образ, послал его находящемуся при смерти царю Едессы Авгарю; взирая на который, царь исцелился. Вспоминая об этом 16 августа (29 по н.с.), Православная Церковь чтит праздник, установленный Самим Господом - Нерукотворного Спаса - первой в истории Иконы Бога, ставшего человеком. Плат, с запечатленным образом Спасителя, долго хранился в Эдессе, как бесценное сокровище города. Почитание его было распространено на всем Востоке, и уже в первые века христиане широко праздновали день Нерукотворного Спаса по примеру Едессы. В 944 г. Византийские императоры, Константин Багрянородный и Роман I, купили Нерукотворный Образ у Едессы. Он был торжественно перенесен в Константинополь и помещен в Храме Пресвятой Богородицы, называемом Фарос. После разгрома Константинополя крестоносцами в 1204 году следы иконы теряются. Другой Праздник неразрывно связан

ПОЧИТАНИЕ ИКОНЫ

«И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, Славу как Единородного от Отца» (Иоанн. 1.14.)»

ковальной выковывалась в своей кристальной ясности богословская мысль, защищавшая иконопочитание как важнейший элемент Православия.

В целом аргументы иконоборцев сводились к тому, что в Писании сказано «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1.18), а потому, по их мнению, единственной иконой Бога может быть только Евхаристия - Святые Дары. Эту точку зрения пространно излагает главный защитник иконоборчества император Константин Копроним в своем трактате. Аргументация иконопочитателей также опирается на Евангельское откровение: «Бога не видел никто никогда...», во вторая половина этого стиха, которую упорно не брали в расчет противники икон, для православных становится объяснением не только возможности изображать Бога - Господа Иисуса Христа, но и проясняет отношения Образа и Прообраза: «Бога не видел никто никогда, Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1.18).

Именно образ Бого-Человека, образ Ипостаси Христовой не могли принять иконоборцы. Они спрашивали, как можно изображать две природы Спасителя, во-первых, распространяя ветхозаветный запрет относительно изобразимости Бога Отца на Новую, начавшуюся воплощением Сына Божия, историю человечества; во-вторых, отрицая возможность изображения Иисуса Христа, иконоборцы ставили под сомнение основной догмат Христианства - учение о Боговоплощении - того, что по свидетельству Апостолов, они «видели своими глазами,

ет значение Пресвятой Богородицы, согласно Которой: «Буди Ми по глаголу твою», было необходимым условием Воплощения, Которая является причиной того, что Бог стал видим и описуем.

«Со всяким тщанием и осмотнительностью определяем, чтобы святые и честные иконы, точно также как и изображения Честного Животворящего Креста, <...> будут ли это иконы Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа или непорочной Владычицы нашей Богородицы или честных ангелов и всех святых и праведных мужей <...> чем чаще при помощи икон они являются предметом нашего созерцания, тем больше взвращающие на них возбуждаются к воспоминанию о самих первообразах; приобретают более любви к ним и получают побуждение воздавать им лобзание, почитание и поклонение, но никак не служение, которое по вере нашей причисляется только Божественному естеству» (Из постановления VII Вселенского собора).

Православные никогда не имели в виду изображать ни Божественную, ни Человеческую природу Спасителя: они изображали Сына Божьего, ставшего Сыном Человеческим, ради наших грехов, а вернее, исполненное любви, трепета и молитвенной благодарности живописное предание о земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.

VII Вселенский Собор состоялся в 787 году, но понадобилось еще более полувека, чтобы позиции иконопочитателей были закреплены. Окончательное подтверждение их на Константинопольском соборе 843 года поставило точку в долгой борьбе. Установленный на этом соборе праздник Торжества Православия был не только признанием победы - иконопочитание явилось своего рода итогом догматического творчества Церкви, непосредственно вытекающего из исповедания Воплотившегося Бога, а икона стала зримым завершением определенного этапа постижения Евангельского откровения.

«И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Бытие 1, 26.)»

Однажды Господь наш Иисус Христос назвал книжников и фарисеев «*гробами поваленными*» (Матф., гл. 23, ст. 27). Помимо обозначения нравственного состояния человечества во времена земной жизни Спасителя, это был приговор всей культуре ветхого мира, уподобившегося раскрашенному гробу. И чем более роскошно выглядела внешняя сторона бытия, тем более мертвечиной и пустотой она скрывалась.

Мудрый человек сказал: эпоха не вглядывается в лицо Бога, а потому теряет лицо человека. С определенного исторического этапа человеческое внимание было сосредоточено на твари, поклонение Творцу сначала отошло на второй план, а затем и вовсе ушло из сознания «и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, <...> заменили истину ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца» (1 Кор. 1.21-25).

Разделение нравственности и красоты, невозможное с точки зрения Христианства, тем не менее, происходит в расщепленном сознании современного человека, где цельность христианского взгляда на мир, кажется, уже безвозвратно утраченной. Герои Достоевского уже не задают себе вопросов о том «тварь ли я дрожащая, или право имею»; век спустя пушкинский вопрос о совместимости гения и злодея звучит как утверждение, «эстетика безобразного», «театр абсурда», «гармония разрушения», «культ насилия» стали эстетическими координатами времени. Живопись XX века дает множество примеров, выражающих растерянность и потерянность человека, полное незнание своей сущности. Картины Малевича, Пикассо, Матисса формально иногда близки иконе (локальный цвет, силуэтность, зна-

ковый характер изображения), но бесконечно далеки по сути, представляя собой всего лишь аморфные деформированные пустые оболочки, зачастую без лиц или с масками вместо лица, «личины», как называл их отец Павел Флоренский: «Первоначальное значение этого слова есть маска, то, что отличается от лица, нечто подобное лицу, выдающее себя за лицо и принимаемое за таковое, но пустое внутри <...>». Но смысл его делает отрицательным, когда оно вместо того, чтобы открывать нам образ Божий, не только ничего не дает в этом направлении, но и обманывает нас, лживо указывая на несуществующее. Тогда оно есть личина».

Настали времена, когда пустота этой маски-личины оказалась наполненной. Растиражированный миллионами телевизионных «образов», глянцевыми журналами, рекламой обычных предметов потребления и даже детских игрушек, «образ зверя» сканит свою пасть повсюду. «Даже потоки крови, наводняющие вселенную, представляют собою зло меньшее по сравнению с этим искажением человеческого облика», - писал Евгений Трубецкой еще в начале прошлого века. - «И вот ад царствует в мире с одобрения и согласия человека, - единственного существа, призванного против него бороться...».

Человек живет на грани двух миров: выше - мир божественности и вечности, ниже - мир тварности и тления, оттого, куда положит он «сокровище своей души» будет зависеть, чей образ он воспримет. «Почитание икон в Церкви - как зажженный светильник, свет которого никогда не угаснет. Он зажжен не человеческой рукой, и с тех пор свет его не истощался никогда. Он горел и горит, и не перестанет гореть, но пламя его не неподвижно, оно горит по ровным светом, то разгорается и превращается в нестерпимый свет. И даже, когда все, что враждебно иконе, ищет угасить этот свет, одев его покровом тьмы, свет этот не иссякнет и не может иссякнуть. И когда от потери благочестия иссякают силы в создании икон, и они как бы теряют славу своего горного достоинства, и тут не иссякает свет и продолжает жить и готов опять явиться во всей силе и наполнить торжеством Фаворского Преображения» - писал иконописец инок Григорий (в миру Георгий Иванович Круг).

Любая икона изначально - икона Христа. Она не претендует на внешнюю, материальную точность; образ святого может сохранять портретные сходства, но лицо на иконе - это лик, повернутый к Богу, личность, преображенная в свете вечности; суть иконы - пасхальная радость, не расставание с кратким земным пребыванием, но встреча усопленного в таинстве Крещения и спасенного Крестными Страданиями нового человека с Отцом.

«Дети, храните себя от идолов!» (1 Ин. 5.21), оставил нам наказ любимый ученик Спасителя. «Дети мои! для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» - пишет апостол Павел (Гал. 4.19). Приблизив Лице Свое к рукотворному полотну, Сын Божий оставил нам Свой Образ, как зримое и осязаемое предание о земной жизни Слова, Которое «стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины». Вспоминая об этом, Православная Церковь чтит Праздник Нерукотворного Спаса - первой иконы Бога, ставшего Человеком. Другой праздник - Торжество Православия, освещенный кровью христианских исповедников и мучеников стал в исторической перспективе полюсом того же события - благодарной верностью Нового Иерусалима - залог спасения, бесчисленных потомков далекого Авгаря, так же как и он - *не видевших, но уверовавших*.

Наталья Макаревич

Софийская церковь в г. Никея (ныне - г. Изник, Малая Азия), построена императором Юстинианом (VI в.), именно здесь заседал VII Вселенский Собор, определивший православное богословие иконопочитания

Использовано фото интернет-энциклопедии: <http://ru.wikipedia.org>

с днем Торжества Православия и приходится на первое Воскресение Великого поста. История его гораздо длиннее и драматичнее, и связана она с возникновением догмата иконопочитания, когда сами иконы пришлось защищать кровью христианских мучеников.

Первые серьезные конфликты по поводу икон и первые гонения на иконопочитателей начались на границе двух миров: христианского и исламского. В 723 г. халиф Иезид издал указ, обязывающий убрать иконы из храмов на подвластных ему территориях. В 726 г. такой же указ издал византийский император Лев Исавр, которого поддержали епископы Малой Азии. С этого момента иконоборчество становится не просто интеллектуальным движением, но агрессивной силой, перешедшей в наступление.

Иконоборцы первого периода (VIII в.) противопоставляли вещественные и тварные изображения невещественному и Нетварному Божеству, и это связывало иконоборчество с тем богословским направлением, в котором духовное и вещественное противопоставлялись как две взаимнепроницаемые сферы, между которыми не может быть никакой реальной общности. Православие встало перед проблемой защиты икон с двух прямых противоположных сторон, между которыми, как между молотом и на-

что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни» (1 Ин.1:1).

«Отец есть невидимое Сына, а Сын - видимое Отца», - писал св. Ириней Лионский. Невозможность изобразить Бога Отца VII Вселенский Собор обосновывает именно Его непознаваемостью, непостижимостью. Ключ к Его познанию у нас один: Отец познается Сыном «*видя Мя, видит Пославшего Мя»* (Ин.12,45), и «*видевший Мене виде Отца»* (Ин.14,9).

Христианское Благовестие свидетельствует не только о восхождении тварного человека до высот Божественности, не только об обожествлении во Христе человеческой природы, но и о снизохождении Божества, Сына Божия до падшего человека. При Своем сущностном единстве с Богом Отцом и Богом Духом Святым Иисус Христос не только принял человеческое тело, но и человеческую душу, человеческое сознание, человеческую волю, человеческие чувства, и в полном и истинном смысле стал, «как один из нас, кроме греха». «Его (Христа) изображение не в подобии человека тленного, что порицается у Апостола, но в подобии человека, как Он сам ранее сказал, именно не тленного, потому что Христос не просто человек, но сделавшийся человеком Бог», - писал св. Феодор Студит. Кроме того, почитание иконы Спасителя обуславли-

Убедительно просим Вас не использовать эту газету в хозяйственных целях. После прочтения передайте ее Вашим знакомым или отдайте в ближайший храм!

Реквизиты храма: Никольская церковь с. Васютино
 ИИН - 5035006926 КПП - 503501001 р/с - 40703810840310124939
 в Орехово-Зуевском ОСБ 1556/063 «Сбербанк России ОАО» г. Москва
 БИК - 044525225 корр/сч - 30101810400000000225

Дорогие читатели! Мы нуждаемся в ваших святых молитвах!

Будем рады услышать ваши вопросы и пожелания в храме или по телефонам: 3-28-40, 8-916-510-15-80 а также на Интернет-сайте: www.NIKOLAnaMhu.ru